

НАУЧНОЕ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. А. ГУГНИНА – ЛИТЕРАТУРОВЕДА, ПОЭТА, ПЕРЕВОДЧИКА

УДК 82.02

Алла Геннадьевна Шешкен
Институт славяноведения РАН, Москва

ИСТОРИКО-КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД А. А. ГУГНИНА К АНАЛИЗУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Историко-контекстуальный подход к изучению литератур, формировавшихся и развивавшихся в контексте и зоне влияния других литератур, был сформулирован А. А. Гугниным при исследовании серболужицкой литературы в 1990-е годы. Автор подчеркивает, что формирование серболужицкой литературы проходило в славяно-германском контексте, который определило множество исторических, культурных, социальных, религиозных и собственно литературных факторов. Контекст в трактовке А. А. Гугнина представляет собой развивающееся явление.

Ключевые слова: славяно-германский контекст, национальная самобытность и литература, серболужицкая литература, литературное двуязычие.

Abstract. The historical and contextual research approach to the literatures, which developed under the influence of other literatures, was formulated by A. A. Gugin in the 1990s while studying Lusatian Serb literature. The author emphasizes that Lusatian Serb literature was shaped in the realm of the Slavic-Germanic development and was determined by many historical, cultural, social, religious and literary factors proper. The context in A. A. Gugin's interpretation is a developing phenomenon.

Keywords: Slavic-Germanic context, national identity and literature, Lusatian Serb literature, literary bilingualism.

Александр Александрович Гугнин внес большой вклад в российскую и белорусскую филологическую науку. Он принадлежит к числу выдающихся выпускников филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, является достойным продолжателем научной школы факультета (всегда тяготевшей к сочетанию и синтезу разных подходов при анализе литературных явлений), сказал свое слово в литературоведении как автор многих фундаментальных трудов, без которых сложно представить дальнейшее исследование целого ряда актуальных вопросов

современной науки. А. А. Гугнин оставил яркий след в изучении западноевропейской литературы, прежде всего, литературы немецкоязычной, и славянских литератур, сосредоточив свое основное внимание на серболужицкой литературе. Среди многочисленных трудов ученого в области сорабистики выделяются исследования, выполненные в Институте славяноведения РАН: «Серболужицкая литература эпохи романтизма» (1994), «Серболужицкая литература эпохи Просвещения» (1994), «Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней» (1997), «Серболужицкая литература XX века в славяно-германском контексте» (2001). В них обобщен конкретный и весьма обширный материал национальной литературы, сделаны важные теоретические наблюдения и выводы, которые существенно раздвигают привычные рамки историко-литературного и сравнительно-исторического анализа.

Приступив к изучению особенностей формирования и развития литературы малочисленного славянского народа, никогда не имевшего государственности, веками жившего в иноязычном окружении, противостоявшего ассимиляции и сохранившего свою самобытность, А. А. Гугнин искал и нашел «ключ» к этому специфическому явлению, сделав ряд наблюдений и выводов фундаментального характера. Они вылились в итоге в стройную концепцию историко-контекстуального подхода к анализу национальной литературы. Концепция была им обоснована и защищена как докторская диссертация «Основные этапы развития серболужицкой литературы в славяно-германском контексте» в июне 1998 года в Институте славяноведения РАН.

А. А. Гугнин, проникая в суть сложного и неоднородного явления, предпринял комплексное его исследование. В этом он продолжил традиции российской славистики, заложенные еще И. И. Срезневским в «Историческом очерке сербо-лужицкой литературы» (1844) и «Истории славянских литератур» (2-е изд., 1881) А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, а также учитывал опыт зарубежного литературоведения. Сочетая историко-литературный и сравнительно-исторический подходы («неповторимость может быть по-настоящему постигнута только при сопоставлении с другими родственными явлениями» [1, с. 2]), он пришел к выводу, что для анализа специфики формирования и развития серболужицкой литературы и понимания ее самобытности первостепенную важность имеют как внутренние закономерности ее эволюции, так и факторы, казалось бы, внешние (далеко не всегда затрагиваемые при изучении истории национальных литератур), а именно: славяно-германский контекст, в котором эта литература в течение своей многовековой истории жила. Подчеркивается естественное двуязычие серболужичан, одинаково хорошо владевших серболужицким (верхне- или нижнелужицким) и немецким языками, что было неизбежно за столетия совместной жизни немцев и лужичан на одной территории, а также в силу того, что культурная прослойка серболужичан получала

образование в немецких школах и, как правило, в немецких университетах. При этом А. А. Гугнин опирается на конкретные факты и обращает внимание на то, как выглядело в реальности то, что принято относить к области сравнительно-исторического взаимодействия. Привычные рамки «влияний», «заимствований», типологического сходства и различия не могут объяснить отношения серболужицкой и немецкой культур. В данном случае традиционные представления о межлитературном взаимодействии требуют существенного уточнения. Так, при анализе пронизанной национально-патриотическим духом поэмы Ю. Меня «Серболужицкого языка возможности и восхваление их в поэтической песне» (1767), вдохновленной эпической поэмой «Мессиада» (1749) Ф. Г. Клопштока (1749), но ставшей «идейным и идеологическим манифестом национального самосознания и национальной литературы» [1, с. 11], демонстрирующим выразительные возможности верхнелужицкого языка, А. А. Гугниным подчеркивается факт (казалось бы, несущественный), что предисловие было написано Ю. Менем по-немецки. На этом примере показывается, насколько тесная культурная взаимосвязь сложилась между немецким и славянским этносами. «Образованный серболужичанин во второй половине XVIII века одновременно ощущал себя как серболужичанин (и по родственности языков и исторического происхождения как славянин, и это последнее усиливалось с 1820-х годов по мере усиления воздействия идей национального возрождения) и как немец (в силу многовекового проживания на совместной территории, разнообразных ежедневных контактов и гражданской приписанности к немецким государствам: Саксония, Пруссия, с 1871 года, Германия). Это сформулировало своеобразный дуализм сознания, который проявлялся в разные эпохи по-разному, но присутствовал всегда» [1, с. 12]. Делается обоснованный вывод о двойственном мироощущении серболужичан, их национальной психологии, способности «вести себя как славяне со славянами и как немцы с немцами» [1, с. 12]. Только учитывая совокупность этих и ряда других факторов (религиозного, например) можно получить действительную картину сложного и самобытного явления, каким является серболужицкая литература. В свою очередь и исследователем этой литературы, автором ее истории может быть литературовед, который «является славистом и германистом одновременно» [1, с. 12]. Дело не только в том, что серболужичане пользовались обоими языками, но и в том, что они неизбежно оказывались внутри мощных движений, развивавшихся в немецкой культуре. Таким образом, исследователю необходимо хорошо представлять себе процессы, протекавшие и в германской, и в славянской культурной и литературной среде.

Контакты со славянским миром (чешским и польским) были чрезвычайно важными, влияли на серболужичан, на осмысление ими принадлежности к славянскому миру. Эти процессы активизировались в конце XVII – начале XVIII веков. У серболужичан именно из-за угрозы ассимиляции рано начала распространяться

идея славянской взаимности, они осознавали свою принадлежность к славянскому миру и активно включились в движение национального возрождения. Эти факторы стали основанием для обозначения явлений, определивших специфику историко-социальных и культурных условий, составивших славяно-германский контекст. С одной стороны, смена литературных течений и направлений – эпоха Просвещения, затем романтизм и т. д. – определила немецкая литература и культура. А распространение идеи, направленной на активизацию движения национального возрождения – усилила у серболужичан типологически схожие процессы, протекавшие в других славянских литературах. Более того, обнаруживается, что именно у серболужицкого автора трудов по славистике первой половины XVIII века Абрагама Френцеля обнаруживаются черты, позволяющие считать его предтечей панславизма. А. А. Гугнин подчеркивает многообразие форм культурных и литературных связей, обращая пристальное внимание на, казалось бы, нелитературные, но основополагающие культурные факторы, в первую очередь, образование. Он указывает на то, что Серболужицкая семинария в Праге, как и один из старейших в Европе Карлов Университет были очагами поддержания среди серболужичан идеи создания литературы на национальном языке сначала религиозного, а затем и светского содержания. Серьезную роль играл и Ягеллонский университет в Кракове. На конкретных примерах А. А. Гугнин показал, что личные контакты сторонников идеи славянского возрождения играли существенную роль в литературном процессе, определяя культурно-исторический контекст конкретной эпохи. Ярким примером может служить деятельность серболужичанина Ф. Ю. Лока, который учился в Серболужицкой семинарии и имел обширные контакты в чешской среде, а затем в качестве епископа в Будишине (Верхняя Лужаца) сыграл «ключевую роль в организации и поддержке плодотворных культурных контактов между серболужичанами, чехами и немцами» [1, с. 8]. Известный славист Й. Добровский стал читать лекции в Серболужицкой семинарии по славистике. Вместе с В. Ганкой, Ф. Пшихонским он способствовал распространению романтизма и идеи славянской взаимности. Эти известные в славистике личности «составляли стержень чешско-серболужицких взаимосвязей» начала XIX века. Самые видные фигуры чешской и словацкой культуры П. Й. Шафарик, Л. Штур, Ф. Л. Челаковский, Ф. Палацкий и другие также внесли свой вклад в национальное возрождение серболужичан. Таким образом, контактные связи со славянским миром (не только с чехами, словаками и поляками, но и словенцами и позднее с русскими и украинцами) были важными, они воспринимались органично, «прививались к собственному стволу, который отнюдь не терял при этом своей отчетливо национальной окраски» [1, с. 15]. Для обозначения этой ситуации вводится термин «региональный контекст» и подчеркивается, что для серболужичан он был исключительно славяно-германским.

Обращает на себя внимание, что в трактовке А. А. Гугнина славяно-германский контекст – величина постоянная, но не застывшая. Исследователь верен принципу историзма при оценке художественных и культурных явлений, подчеркивая подвижность и изменчивость самого контекста и того, какую эволюцию пережила сама серболужицкая литература, создавая свой собственный контекст национальной культуры. Его уникальность, считает А. А. Гугнин, «состоит в том, что между высшей духовной элитой народа... не было никаких посредников – лучшие представители серболужицкой интеллигенции, крупнейшие писатели жили и работали, как правило, в тех же деревнях, где жили и трудились серболужицкие крестьяне; они встречались и говорили с ними ежедневно: в качестве сельских священников и учителей» [1, с. 14]. Литературе автор отводит роль «единственной возможности» противостоять национальной дискриминации, источником духовной силы и возможности чувствовать себя равноправными с другими народами. Использование родного языка в литературе вплоть до XX века было «равнозначно сохранению самого народа, его самосознания, его этнической целостности» [1, с. 40], ибо таким образом формировалась и поддерживалась идея национальной самобытности.

В трудах А. А. Гугнина затронута проблема внутренней структуры серболужицкой литературы, которую составляют по сути две ветви – верхнелужицкая и нижнелужицкая, но считает, что можно и нужно говорить о ней как о сложном единстве и включать в ее состав произведения писателей на всех языках, которыми им приходилось пользоваться, включая диалекты.

Историко-культурный подход, таким образом «вырос из необходимости постоянного учета внелитературных факторов», их динамики, обусловившей постоянную изменчивость самого контекста. Понятие «историко-культурный контекст» в трактовке А. А. Гугнина весьма широкое. Оно включает в себя контекст социально-политический, религиозный, этнокультурный и литературный. В комплексе это играет определяющую роль в поворотные эпохи литературного процесса. Контекст менялся немецким окружением, но от серболужичан зависело, как они приспособлялись к изменявшимся обстоятельствам. Как они реализовывали свои задачи и возможности включая плодотворные контакты с миром славянским. В истории серболужицкой литературы выделяются следующие этапы, обусловленные историческими обстоятельствами и всем комплексом внешних и внутренних культурных и литературных процессов: VI–XI века – время относительной самостоятельности славянских племен, появление у них письменности; XII–XIII века – германизация славянского этноса; XIV – середина XVIII века – эпоха реформаций, отклик идей реформации у серболужичан, появление светской литературы; 1750-е годы – 1813 год – эпоха Просвещения в серболужицкой литературе и одновременно первый этап национального возрождения, формирование

концепции национальной идентичности в творчестве писателей (Ю. Мень и др.); 1814 – середина 1890-х годов – период романтизма, появление национальной периодики, возникновение «Матицы серболужицкой» (1847); 1890–1918 годы – период поиска новых идейных и эстетических ориентиров при стремлении сохранить национальную традицию; 1919 – март 1937 года Веймарская республика и ее влияние на культуру и литературу славянского этноса, расширение контактов со славянским миром; 1937–1945 годы – период выживания серболужицкой литературы в условиях фашизма. В особый период выделены 1945–1990 годы, когда серболужицкая литература развивалась в условиях социалистической Германии. Автор выделяет новые черты в культурной политике Германии в отношении славянского этноса, возможность публиковаться на родном языке, активизацию переводческой деятельности серболужичан, появление у них крупных писателей (Ю. Брезан и др.) и в то же время обращается внимание на внутреннюю противоречивость этого этапа. Следующий этап в истории серболужичан и их культуры наступил в 1990 году, что в целом совпадает с периодизацией других славянских литератур.

В целом можно констатировать, что историко-контекстуальный метод, предложенный А. А. Гугниным, представляет собой новаторский подход к истории национальной литературы, формировавшейся и развивавшейся на пересечении разных культурных и литературных влияний. Думается, что именно тот факт, что юность ученого прошла в Беларуси, где исторически сосуществовало и тесно переплелось несколько языков, литератур и культур, помогло ему понять сложность и многообразие процессов, протекавших в литературе самого западного славянского народа, проявившего исключительную стойкость в сохранении своей самобытности. Концепция, предложенная А. А. Гугниным, сохраняет свою актуальность, она применима к исследованию белорусской и ряда других литератур, в частности, македонской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин, А. А. Основные этапы развития серболужицкой литературы в славяно-германском контексте: научный доклад на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.05 – литература народов Европы, Америки и Австралии / А. А. Гугнин; М.: Институт славяноведения РАН, 1998. – 77 с.